

К ВОПРОСУ О БУЛГАРСКОЙ МИГРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИЮ БАШКИРИИ В ПЕРИОД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

И. В. Антонов

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской Академии наук, Уфа, Россия. igan73@yandex.ru

Вопрос о болгарской миграции на территорию современного Башкортостана в XIII–XIV веках рассматривается по данным археологии, эпиграфики и антропологии. Тезис о массовом расселении болгар в Башкирии после монгольского нашествия выдвинут А. П. Смирновым и А. Х. Халиковым (по данным археологии), Г. В. Юсуповым (по данным эпиграфики) и опровергнут Р. Г. Фахрутдиновым, Н. А. Мажитовым, А. Н. Султановой и Г. Н. Гарустовичем (по данным археологии), Т. М. Гариповым (по данным эпиграфики), А. И. Нечвалодой (по данным антропологии). Имеющиеся в Башкортостане каменные мавзолеи и надгробия золотоордынского периода считаются болгарскими условно, они являются произведениями болгарских мастеров, но могли принадлежать местному населению. Кроме того, эти памятники, даже в случае их принадлежности болгарам, немногочисленны, что позволяет говорить только о переселении небольших групп населения, которые занимались пропагандой ислама и не могли сыграть значительную роль в этнических процессах. Нет достаточных оснований говорить о включении северо-западной части территории Башкирии в состав Волжской Булгарии и считать болгарских миссионеров предками современных татар Башкортостана.

Ключевые слова: *Башкирия, Волжская Булгария, Золотая Орда, археология, эпиграфика, антропология.*

Эпоха Золотой Орды на территории современной Башкирии – время интенсивного этнического взаимодействия местных пришлых компонентов населения, вошедших в состав современного башкирского этноса. Кроме самих башкир, известных по письменным источникам в регионе по крайней мере с X в., в этих процессах активное участие принимали племена кыпчакской миграции, а также носители чияликской культуры Камско-Бельско-Икского междуречья, имевшие, по мнению большинства исследователей угорское происхождение, но находящиеся под сильным социально-экономическим, политическим и культурным влиянием Волжской Булгарии, включенной в состав Золотой Орды. Возникает вопрос: принимали ли сами болгары какое-либо участие в этнических процессах на территории Башкирии в указанный период? Если была миграция болгар на Южный Урал, то можно ли считать мигрантов предками современных приуральских татар, как склонны полагать сторонники теории болгаро-татарской этнической непрерывности? Исследователи, отвечающие на эти вопросы, как положительно, так и отрицательно, обычно ссылаются на данные археологии, эпиграфики и антропологии. Представляется целесообразным рассмотреть эти аспекты по отдельности.

Вопрос о болгарской миграции на территорию Башкирии по данным археологии был по-

ставлен А. П. Смирновым, который считал, что проповедниками ислама в Башкирии были в основном болгары. Именно от них пришли сюда мастера, воздвигнувшие мавзолеи XIV в. [См.: Смирнов: 1957, С. 96]. Он же выделил ряд городищ-убежищ, в большинстве случаев лишенных культурного слоя и не дающих или почти не дающих никаких находок, условно датированных золотоордынским временем по находкам красной болгарской керамики: Андреевское на р. Белой, Акбашевское у г. Бирска, Акташевское у устья р. Сим, Караабызское у г. Благовещенска. «Болгары, проникшие в Башкирию с целью захвата территории еще в домонгольскую эпоху, усилили свой нажим в XIV в., оправившись после монгольского погрома. Здесь ими были созданы опорные пункты. Может быть, именно поэтому некоторые городища в ряде районов современной Башкирии и бывшей Оренбургской губернии зовутся у местного населения болгарскими». В целом А. П. Смирнов отмечает «большое значение болгар в истории башкир золотоордынского периода» [Смирнов: 1957, С. 99–100].

Андреевское городище относится к пьяноборской культуре [См.: Археологическая карта...: 1976, С. 51], Бирское (Акбашевское) городище датируется VI–IX вв. [См.: Археологическая карта...: 1976, С. 95], Караабызское городище относится к ананьинской, караабызской и бахмутинской

культуре [См.: Археологическая карта...: 1976, С. 120], а II Охлебининское (Акташевское) городище – к караабызской культуре [См.: Археологическая карта...: 1976, С. 142; Археологические памятники...: 1996, С. 141]. Сведения о находках там болгарской керамики не подтвердились.

Г. Н. Гарустович отмечает, что тезис А. П. Смирнова «о расселении в Приуралье болгар в XII–XIV вв. не соответствует действительности, хотя до сих пор он часто используется татарскими учеными, причины чего выходят за рамки археологии и больше связаны с политикой. Реально же наличие болгарской керамики на селищах и городищах никоим образом не является признаком фактического присутствия болгарского этноса, это показатель торговых и культурных связей, но не каких-то этнических подвижек в регионе» [Гарустович: 1998, С. 14]. Принадлежность приуральских селищ к разряду поселений чияликского типа определяется находками лепной посуды. «Наличие болгарской гончарной керамики ни о чем не говорит, поскольку даже на Горновском селище (Чишминский район РБ), сильно удаленном от границ Волжской Болгарии, болгарская посуда преобладает. Данный факт позволяет говорить об оживленном обмене, и не более того» [Гарустович: 1998, С. 62]. На территории Горновского селища автором также расчищена постройка болгарского типа [См.: Гарустович: 1998, С. 65]. В чияликских погребениях выявлена только лепная посуда. «На близлежащих селищах импортная болгарская гончарная посуда может составлять высокий процент, но в могилы ставили лишь свои «племенные» лепные горшки» [Гарустович: 1998, С. 28]. Автор полностью отрицает наличие селищ, «которые можно было бы считать поселениями самих болгар» [Гарустович: 1998, С. 2].

А. Х. Халиков, констатируя факт появления в XIII–XIV вв. на территории преимущественно западной Башкирии до р. Белой включительно памятников болгарского типа, к которым он причислил городища, упомянутые А. П. Смирновым, надгробия и мавзолеи, связанные с активным проникновением болгарской культуры и мусульманской религии, утверждает, что «западная часть современной Башкирии вошла в состав Волжской Болгарии». «В восточных пределах бывшей Болгарии (во второй половине XIV в. – *И. А.*) возвышается Джукетауское княжество, подчинившее, очевидно, и земли до р. Уфы». В этом княжестве начался процесс формирования «народности башкирских, или уфимских, татар, образовавшихся в результате вторичного (первый раз в VIII в. – *И.*

А.) сближения тюркоязычных племен западной Башкирии и восточных групп населения Волжской Болгарии. Собственно башкирские племена, кочевавшие за р. Белой и на Южном Урале, в этих процессах какого-либо активного участия не принимали» [Халиков: 1971, С. 36–37].

Освоение булгарами бассейна р. Ика и нижнего течения р. Белой, по мнению А. Х. Халикова, начинается не позже рубежа XIII–XIV вв. «Практически здесь шел процесс болгаризации и мусульманизации тюркоязычных племен этого района» [Халиков: 1978, С. 98–99]. Башкирия оказалась в числе земель, которые «еще с XIII–XIV вв., если не раньше, уже были заселены булгарами и их потомками, поэтому традиционно они стали считаться и казанскими землями» [Халиков: 1989, С. 143]. Остается неясным, о каких тюркоязычных племенах западной Башкирии писал А. Х. Халиков. Если иметь в виду племена чияликской культуры, то их тюркизация как раз и была связана с активным проникновением болгарской культуры и мусульманской религии.

Н. А. Мажитов и А. Н. Султанова отмечают, что А. Х. Халиков, увлекшись идеей болгаро-татарского этнического родства, объявил болгарскими мавзолеи из камня на р. Дема и сделал неверный вывод о том, что весь бассейн р. Белой в XIII–XIV вв. был заселен булгарами – ближайшими и прямыми предками поволжских и приуральских татар. По мнению Н. А. Мажитова и А. Н. Султановой, нельзя говорить о татарах в Башкортостане как коренном населении, поскольку из всех источников известно, что они пришли сюда в ходе русской колонизации края в XVII–XIX вв. [См.: Мажитов, Султанова: 1994, С. 273]. Оппоненты этой точки зрения «исходили из ошибочного убеждения о том, что Волжская Болгария как государство продолжало существовать в XIII–XV вв. и все эпиграфические памятники оставлены болгарским населением – прямыми предками поволжских татар» [Мажитов, Султанова: 1994, С. 293]. С такой резкой, но справедливой критикой нельзя не согласиться. В самом деле, Башкирия не могла войти в состав Волжской Болгарии – государства, уничтоженного монголами в XIII в., а концепция болгарского происхождения поволжских татар ныне признана несостоятельной, что видно из многочисленных работ казанских исследователей последних лет (например, из семитомной «Истории татар»).

Тезис о заселении территории Башкирии после монгольского нашествия переселенцами из Булгара и Средней Азии активно отстаивает, не приводя никаких новых данных, А. В. Аксанов.

Мусульманам из Булгара и Хорезма он отводит важную роль в исламизации приуральского населения во второй половине XIII–XIV в. «Видимо, столь значительная миграция населения не только ускорила исламизацию, но и тюркизацию оставшихся после нашествия приуральских угров» [Аксанов: 2017, С. 789]. Однако исламизация подразумевает присутствие миссионеров, что не сопровождается значительной миграцией населения. Более того, автор значительно упрощает этнический состав населения Башкирии, не видя здесь никого, кроме приуральских угров. Тем самым игнорируется установленный Р. Г. Кузеевым факт существования древнебашкирского этноса [См.: Кузеев: 1974].

Имеющиеся в Башкортостане каменные мавзолеи – Хусейн-бека (на окраине п. Чишмы), Тура-хана и «Малый кэшэн» (у д. Нижние Термы в Чишминском районе) – твердо датируются XIV в. [См.: Яминов: 1991, С. 97; Археологические памятники...: 1996, С. 57, 145–147; Гарустович: 2012b, С. 154]. А. Ф. Яминов отмечает, что полные аналогии архитектурным формам и технике строительства этих памятников обнаруживаются пока только на Болгарском городище [См.: Яминов: 1995, С. 100]. Поэтому можно считать, что приуральские мавзолеи были построены болгарскими мастерами [См.: Яминов: 1995, С. 103]. В то же время, по мнению А. Ф. Яминова, каменные мавзолеи, расположенные в самом центре типологически однородных погребальных памятников (грунтовых могильников Приуралья), «являются семейными усыпальницами знати золотоордынского лесостепного населения», стабильно проживавшего здесь с домонгольского времени [Яминов: 1995, С. 153]. С этим мнением можно согласиться, имея в виду не только светскую, но и духовную знать чиялыкского общества.

С археологическим аспектом тесно связан эпиграфический аспект проблемы. Надгробие Хусейн-бека исследовано Г. В. Юсуповым. Оформление плиты «очень характерно для болгарских надгробий XIII–XIV вв.». «Палеографически надгробие это идентично с болгарскими эпиграфическими памятниками I стиля конца XIII – первой половины XIV в.» [Юсупов: 1960, С. 116]. Установлен год смерти Хусейн-бека – 1339 г. Он был сыном Омар-бека из Туркестана [См.: Юсупов: 1960, С. 118]. Сам же Г. В. Юсупов считал Хусейн-бека «болгарским миссионером, возглавлявшим в западной Башкирии мусульманскую духовную миссию» [Юсупов: 1960, С. 122].

Погребальный обряд приуральских мавзолеев обнаруживает «полные аналогии на могильниках

Волжской Булгарии», как и захоронения, раскопанные на Мавлютовском (Кушнаренковский район) и Япрыковском (Туймазинский район) кладбищах. На первом были обнаружены каменные плиты с болгарскими эпитафиями 1342 и 1346 гг. [Гарустович: 1995, С. 176–178]. На Мавлютовском кладбище Г. В. Юсуповым в 1954 г. исследованы два надгробия: первое датируется 1342–1343 гг., второе – 1706–1707 гг. Поскольку второе надгробие принадлежит представителю дуванейского рода, здесь было родовое кладбище дуванейских башкир. «В свете этого у нас не возникает никакого сомнения о принадлежности вышеописанного надгробия № 1 башкиру, хотя бы по той простой причине, что кладбище в те времена являлось одним из атрибутов рода и возможность захоронения там кого-либо из другого рода в те времена, безусловно, исключалась. Это соблюдалось даже в недавнем прошлом». Подавляющее большинство приведенных в надписях личных имен исконно башкирские. В то же время в приведенных надписях отмечается влияние болгарского языка [Юсупов: 1959, С. 120–122]. Болгарских кладбищ в западных и центральных районах Башкортостана, по всей видимости, было значительно больше, о чем позволяют судить находки каменных надгробий с эпитафиями в Чишминском («Красный Ключ» и Сынташ, кладбища), Чекмагушевском (Старо-Калмашевское кладбище), Бакалинском (Нагайбакские кладбища – I, II и III, Батраковский некрополь). В данную группу включены также несколько некрополей Восточного Татарстана (ранее это были территории расселения башкир) – в Азнакаевском районе (Урсаевское, у д. Старые Маршады, Тумутукское и др.). Всего учтено 15 подобных кладбищ [См.: Гарустович: 2012a, С. 39–40].

Надгробие из пос. Красный Ключ представляет собой «типичный образец болгарских эпиграфических памятников II стиля конца XIII и первой половины XIV в. Из-за сильных повреждений строк определить точнее дату не представляется возможным» [Юсупов: 1960, С. 127]. Аналогичным образом определяется надгробие в месте, называемом Сынташ, датированное 731 г. х. [См.: Юсупов: 1960, С. 129], т. е. 1330/31 гг. Как отмечает Д. Г. Мухаметшин, болгарские эпитафии Чишминского района «очень близки к памятникам города Болгара. Стрельчатая арка, отсутствие орнаментальных мотивов, более изящное оформление говорят о том, что это произведение мастеров из Болгар, во всяком случае, памятники относятся к болгарской школе» [Мухаметшин:

1981, С. 140]. Однако текстологический анализ, проведенный Т. М. Гариповым, показал, что непосредственно болгарский компонент надписей сынташского и красноключского памятников состоит из полутора – двух десятков лексем, которые обнаруживают наибольшую близость с нынешним преемником болгарского языка – чувашским. Имеющихся данных недостаточно, чтобы судить о распространенности болгарского языка в условиях древнего Предуралья. «Во всяком случае, не видно оснований говорить о каком-либо существенном влиянии болгарского языка XIII–XIV вв. на речь кыпчакоязычных обитателей края» [Гарипов: 1979, С. 23–26].

В эпитафии Старокалмашевской плиты указана дата погребения – 747 г. х. [См.: Ишбердин: 1980, С. 64], т. е. 1346/47 гг. н. э. Эта надгробная плита обнаружена рядом со Старокалмашевским городищем, расположенным в урочище Кала-тау («город-гора»), в 2 км западнее д. Булгар Старокалмашевского сельсовета Чекмагушевского района РБ, на высоком мысу [См.: Габдрафиков: 2017, С. 921–926]. Однако Старокалмашевское городище относится к кушнаренковской и караякуповской культурам и датируется VII–X вв. [См.: Археологическая карта...: 1976, С. 60; Археологические памятники...: 1996, С. 123–124]. Как возникло название д. Булгар и связано ли оно с находкой плиты, остается неизвестным. На Урсаевском кладбище обнаружено восемь камней плохой сохранности, пять из них описаны, лишь на памятнике № 2 указана дата – 730 г. х. (1329/30 гг. н. э.). По шрифту и орнаментации от Урсаевских не отличаются два памятника из с. Старое Шакурово Бакалинского района Республики Башкортостан, текст которых не восстановлен. Д. Г. Мухаметшин все отмеченные памятники из Урсаева, Ст. Шакурова, Мавлютова, Ст. Калмашева по языку относит к I стилю, отмечая, что по типу надписи, оформлению и другим особенностям они близки к памятникам II стиля, распространенным в закамских районах Республики Татарстан [см.: Мухаметшин: 1981, С. 136–138]. Даже с такой оговоркой язык этих памятников надо признать не болгарским, а кыпчакским. По утверждению И. М. Миргалеева, старокалмашевская надпись выполнена арабским текстом на татарском языке [См.: Миргалеев: 2017, С. 177]. Однако Япрыково, Мавлютово и Старокалмашево – башкирские деревни [См.: Асфандияров: 2009, С. 248–249, 377–378, 390–391]. Возникает вопрос: можно ли применительно к XIV в. говорить о татарском либо башкирском языке в их современном понимании? Ведь оба языка

относятся к кыпчакской группе. Погребальный обряд рассматриваемых памятников не обладает никаким своеобразием. Раннемусульманский тип обряда с захоронениями в простых могильных ямах, в гробовищах и с характерными западными и юго-западными ориентировками погребенных в XII–XIV вв. преобладал у волжских болгар и в среде приуральского населения чияликской культуры [См.: Гарустович: 2012а, С. 43]. Г. Н. Гарустович констатирует «принадлежность некрополей с каменными надгробиями, найденных в Башкортостане, болгарским этническим группам». Он же отмечает, что малочисленность рассматриваемых памятников не дает оснований для утверждений о массовом расселении болгар в пределах Башкортостана начиная с XIII в. [Гарустович: 2012а, С. 45].

Аналогичным образом намного раньше рассуждал Р. Г. Фахрутдинов. Присоединяясь к точке зрения А. П. Смирнова и Г. В. Юсупова, он скорректировал ее в том отношении, что «болгары, просачиваясь в среду башкир небольшими группами, не могли образовать крупных объединений. Такая концепция вполне приемлема. Несмотря на то, что имеется определенное число болгарских памятников на территории Башкирской АССР, все же их нельзя считать составляющими часть единой территории Волжской Булгарии на востоке» [Фахрутдинов: 1971, С. 101]. К сказанному можно добавить, что о территории Волжской Булгарии как единого государства после монгольского нашествия говорить уже невозможно. Сама Булгария, как и Башкирия, составляла часть территории Золотой Орды, а там все передвижения населения контролировались ханской властью. Ханским указом, очевидно, и была санкционирована деятельность миссионеров в Башкирии.

В предании «Булгары и башкиры» сказано: «Когда болгары приняли ислам, тех табибов (лекарей, исцеливших ханскую дочь при условии принятия болгарями ислама. – И. А.) стали считать святыми-авлиями. Они послали своих учеников-табигинов к башкирам. Так ислам распространился среди башкир в долинах Агидели, Ика, Демы, Таныпа. А табигинов, распространивших среди башкир ислам, тоже причислили к лику святых» [Башкирские..., 2015, С. 94]. Таким образом, распространение ислама среди башкир не было связано с переселением в их земли болгар. Речь идет только о посылке миссионеров, целью деятельности которых было обращение башкир в ислам, а не поиск новых земель для поселения. Хотя в предании эти события отнесены к домонгольскому времени, по данным археологии исла-

мизация населения современной Башкирии могла начаться не ранее золотоордынской эпохи.

Н. Ф. Калинин более шестидесяти лет назад писал: «Эпиграфический материал сам по себе, оторванный от прочих археологических и исторических данных, не может решить вопрос о том, имеем ли мы в данном месте исламизацию местного населения болгарскими проповедниками или переселение сюда самого болгарского мусульманского населения. Нахождение наряду с эпиграфическими памятниками селищ и городищ с типичными бытовыми болгарскими комплексами рисует нам **картину быта именно болгарского населения** (выделено автором. — И. А.), а не какого-либо иного, только подвергшегося исламизации» [Калинин: 1956., С. 29-30]. Как раз такая ситуация и получается в нашем случае. Заключение некоторых исследователей о переселении на территорию Башкирии болгарского населения делается исключительно на эпиграфическом материале, совершенно оторванном от археологических и исторических данных. За прошедшее время на территории Башкирии так и не было обнаружено никаких селищ и городищ, принадлежащих именно болгарскому населению. Речь идет о поселениях местного населения, подвергнутого влиянию болгарской культуры.

Иной позиции придерживался Г. В. Юсупов, отмечавший в этногенезе башкир «роль волжских болгар, оказавших значительное этнокультурное влияние (в частности в западной Башкирии), о чем свидетельствуют археологические, эпиграфические и др. данные» [Юсупов: 1956, С. 60-61]. В то же время Г. В. Юсупов не сомневался в том, что какая-то часть уфимских татар является потомками болгар, издавна живших на территории Башкирии [См.: Юсупов: 1960, С. 131]. Казанские исследователи начало контактов коренного населения западной Башкирии с казанскими татарами датируют XV – первой половиной XVI в. «Однако возможно, что некоторая часть ныне обитающих в районах западной Башкирии татар является потомками живших здесь болгар, которые позднее, как и болгары Поволжья, получили наименование татар» [Воробьев, Хисамутдинов, Юсупов: 1962, С. 124].

Всего Г. В. Юсуповым выделено до двадцати с лишним эпитафий XIV–XIX вв., локализованных по р. Уфе и левобережью р. Демы и рассредоточенных вокруг населенных пунктов Чишмы, Мавлютово и т. д. Все эти памятники, независимо от языка эпитафий – арабского или тюркского, безоговорочно признавались Г. В. Юсуповым болгарскими. Однако Т. М. Гариповым, проана-

лизировавшим эти данные, сделан вывод, что «о каком-либо осязательном болгарском присутствии в эпиграфии северо-западной Башкирии пока нет оснований дебатировать. Правда, болгаризмы с трудом реконструируются в составе лишь двух чишминских памятников («Красноключского» и «Сынташского»)), да и то с оговорками. Таким образом, «для отнесения исторической Башкирии (хотя бы и в северо-западной ее части) к болгароязычной эпитафической провинции нет достаточных аргументов. В крайнем случае можно допустить здесь ограниченное участие болгарской материальной культуры (в том числе погребальной), но уж никак не языковой» [Гарипов: 1982, С. 52–56].

Вкратце следует остановиться на антропологическом аспекте проблемы. Череп из мавзолея Хусейн-бека изучены А. И. Нечвалодой. Все погребенные оказались близкими родственниками. Череп из погребения 1 (Хусейн-бека) по одним признакам тяготеет к представителям европеоидного брахицефального типа «Среднеазиатского междуречья» или «памиро-ферганского», другие признаки говорят о наличии монголоидной примеси (возможно, южносибирская раса в ее казахском варианте). Автором проведен сравнительный анализ для решения вопроса о степени близости анализируемого черепа к представителям расы Среднеазиатского междуречья (таджики-ишкашимцы и узбеки), южносибирской расы (киргизы), краниологической серии кочевого населения Башкирии эпохи средневековья и серии из IV Билярского некрополя (XI–XIII вв.). Самой близкой серией к исследуемому черепу оказалась узбекская, более европеоидные ишкашимцы и монголоидные киргизы занимают равноудаленное положение, а наиболее далекими оказались «кочевники» Башкирии и черепа из IV Билярского некрополя [См.: Нечвалода: 2000, С. 42–43]. Эти данные свидетельствуют о том, что Хусейн-бек, возглавивший в Западной Башкирии мусульманскую духовную миссию, был выходцем из Средней Азии (его «лякаб» – фамилия «Туркестанский») [см.: Юсупов, Нечвалода: 2000, С. 83]. Как же в таком случае можно считать его болгарским миссионером? Другое дело, что мавзолей над могилой Хусейн-бека был построен по болгарским архитектурным канонам. Очевидно, для строительства мавзолея были приглашены мастера из Волжской Булгарии. А может быть, это были специалисты из числа местного населения, прошедшие обучение в Булгаре?

Погребения под каменными плитами почти не изучены антропологами. Исключение состав-

ляет краниологическая серия из Мавлютовского могильника, раскопанного в 1962 г. М. С. Акимовой. Она тоже не сомневалась в принадлежности памятника башкирам. Исследовано 35 мужских, 30 женских и 9 детских черепов. Отмечая, что по многим признакам эта серия близка народам Поволжья и Прикамья, автор констатирует большее расхождение черепов из Мавлютовского могильника с удмуртскими, особенно южными, и большее сходство этих черепов с чувашскими [См.: Акимова: 1968, С. 86–92]. Таким образом, если связывать Мавлютовский могильник с булгарами, то и в этом случае нельзя не отметить их близость к чувашам.

Рассмотренный материал показывает, что данные археологии, эпиграфики и антропологии не дают никаких оснований говорить о сколько-нибудь массовой миграции булгар на территорию современной Башкирии в XIII–XIV вв. Археология отрицает наличие в Башкирии болгарских поселенческих памятников, но признает болгарскую принадлежность каменных мавзолеев и надгробий. Однако отсюда не следует, что мавзолеи и надгробия сооружались именно над могилами болгарских проповедников ислама в Башкирии. Хусейн-бек прибыл в Башкирию из Туркестана, погребения Мавлютовского могильника связываются с башкирами дуванейского рода, надгробия из мест Красный Ключ и Сынташ являются болгарскими эпиграфическими памятниками II стиля, из Урсаева, Ст. Шакурова, Мавлютова, Ст. Калмашева, а также мавзолея Хусейн-бека – I стиля. Но эпитафии I стиля выполнены уже не на болгарском, а на кыпчакском языке, поэтому

их прямая связь с булгарами представляется некорректной. В целом имеющийся материал отвергает принадлежность северо-западной Башкирии к болгароязычной эпитафической провинции. Данные антропологии подтверждают среднеазиатское происхождение Хусейн-бека и показывают некоторое сходство мавлютовской краниологической серии с материалами по чувашам. В то же время нет оснований отрицать приход в Башкирию небольших групп болгарского населения с целью распространения ислама среди местных жителей. Уже в силу своей немногочисленности эти группы не могли принимать какого-либо значительного участия в этнических процессах на Южном Урале. Если потомки этих переселенцев остались на новых местах расселения, то впоследствии они могли войти в состав не только приуральских татар, но и башкир, хотя в любом случае их роль в сложении ни тех, ни других не могла быть сколько-нибудь заметной. Надо иметь в виду, что имеющийся эпиграфический материал датируется первой половиной XIV в., а переселение татар в Башкирию началось с XVII в. Могли ли потомки болгарских миссионеров на протяжении трех столетий сохранить свою этническую идентичность, находясь в башкирском окружении, а потом сразу смешаться с родственными им по происхождению татарами? Ответить на такой вопрос положительно не представляется возможным. Очевидно, значение болгарской миграции на территорию Башкирии в период Золотой Орды имело, главным образом, не этнические, а культурные последствия.

Список литературы

1. Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.
2. Аксанов А. В. От «баскардов» до «башкирцев»: судьба этнонима в XIII–XVI веках // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 786–800.
3. Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О. Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 268 с.
4. Археологические памятники Башкортостана / Отв. ред. Ю. А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. 280 с.
5. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
6. Башкирские исторические предания и легенды / Авт.-сост. Ф. А. Надршина. Уфа: Китап, 2015. 528 с.
7. Воробьев Н. И., Хисамутдинов Г. М., Юсупов Г. В. Историко-этнографические исследования населения северо-западных районов Башкирии // Советская этнография. 1962. № 6. С. 124–130.
8. Габдрафиков И. М. Урочище Кала-тау – средневековый памятник археологии и эпиграфики Западного Приуралья // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 921–926.
9. Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья (Опыт синхронической и диахронической характеристики). М.: Наука, 1979. 304 с.
10. Гарипов Т. М. Относительно «булгарских» эпитафий Башкирии // Письменные памятники Башкирии (Историко-филологические исследования) / Отв. ред. З. Г. Ураксин. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1982. С. 52–68.

11. Гарустович Г. Н. Погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья // *Наследие веков: охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане* / Отв. ред. М. Ф. Обыденнов. Уфа: Национальный музей, 1995. Вып. 1. С. 166–185.
12. Гарустович Г. Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Уфа, 1998.
13. Гарустович Г. Н. К вопросу об особом типе памятников археологии XIV века на территории Исторического Башкортостана (кладбища с каменными надгробиями с исламскими эпитафиями) // *Проблемы востоковедения*. 2012а. № 2. С. 39–45.
14. Гарустович Г. Н. Хронология памятников культового мемориального зодчества из камня в Центральном Башкортостане // *Урал-Алтай: через века в будущее* / Сост. В. Г. Котов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012б. С. 152–154.
15. Ишбердин Э. Ф. Камень с «загадочными» знаками // *Советская тюркология*. 1980. № 2. С. 64–67.
16. Калинин Н. Ф. Булгаро-татарские эпитафические памятники как исторический источник // *Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г.* / Ред. А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт. М.: ИИМК, 1956. С. 25–31.
17. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
18. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Китап, 1994. 360 с.
19. Миргалеев И. М. Старокалмашевская надмогильная плита и вопросы этнической интерпретации населения Приуралья в средние века // *Археология Евразийских степей*. 2017. № 6. С. 174–178.
20. Мухаметшин Д. Г. Об эпитафических памятниках Восточного Закамья (к вопросу о локальных вариантах болгарских эпитафий) // *Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой* / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: КФ АН СССР, 1981. С. 136–140.
21. Нечвалода А. И. Мавзолей Хусейнбека. Антропологическая реконструкция по черепам из мавзолея в Чишмах // *Вестник Башкирского государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки*. 2000. № 1. С. 31–49.
22. Смирнов А. П. Железный век Башкирии // *Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири* / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1957. С. 5–113.
23. Фахрутдинов Р. Г. К вопросу о булгаро-башкирских взаимоотношениях // *Археология и этнография Башкирии. Т. IV* / Отв. ред. Ю. В. Бромлей, Р. Г. Кузеев. Уфа: БФ ОИ АН СССР, 1971. С. 98–102.
24. Халиков А. Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // *Археология и этнография Башкирии. Т. IV* / Отв. ред. Ю. В. Бромлей, Р. Г. Кузеев. Уфа: БФ ОИ АН СССР, 1971. С. 30–37.
25. Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Татарское книжное издательство, 1978. 160 с.
26. Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татарское книжное издательство, 1989. 222 с.
27. Юсупов Г. В. Об этногенезе башкир // *Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г.* / Ред. А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт. М.: ИИМК, 1956. С. 60–61.
28. Юсупов Г. В. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища // *Вопросы башкирской филологии* / Отв. ред. А. И. Харисов. М.: АН СССР, 1959. С. 120–122.
29. Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпитафику. М.; Л.: АН СССР, 1960. 165 с.
30. Юсупов Р. М., Нечвалода А. И. Семейный некрополь эпохи средневековья в Чишмах. Антропологическая реконструкция по черепу Хусейнбека // *Грани познания*. 2000. № 1. С. 68–98.
31. Яминов А. Ф. К вопросу о датировке раннемусульманских мавзолеев Башкирии // *Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР* / Ред. колл.: В. А. Сиразитдинов, С. М. Хусаинов и др. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1991. С. 96–97.
32. Яминов А. Ф. Южный Урал в XIII–XIV вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 1995. 266 с.

Антонов Игорь Владимирович – старший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального инновационного центра Российской академии наук, кандидат исторических наук, доцент.

igan73@yandex.ru

Magistra Vitae.

2018. No 2. P. 105–114.

TO THE ISSUE OF BULGAR MIGRATION INTO THE TERRITORY OF BASHKIRIA IN THE PERIOD OF THE GOLDEN HORDE

I. V. Antonov

Institute of Ethnological Research. R.G. Kuzeeva Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. igan73@yandex.ru

The issue of Bulgar migration on the territory of modern Bashkortostan in XIII-XIV centuries is considered according to the archaeology, epigraphy and anthropology. The thesis about mass resettlement the Bulgars in Bashkortostan after the Mongol invasion nominated by A. P. Smirnov and A. H. Halikov (according to archaeology), G. V. Yusupov (according to epigraphy) and disputed by R. G. Fahrutdinov, N. A. Mazitov, A. N. Sultanova and G. N. Garustovich (according to archaeology), T. M. Garipov (according to epigraphy), A. I. Nechvaloda (according to anthropology). Available in Bashkortostan stone mausoleums and tombstones of the Golden Horde period are considered bulgarish conventionally, they are works of Bulgarian masters, but could belong to the local population. In addition, these sites, even in the case of their membership to the Bulgars, few and far between, that allows you to talk only about the resettlement of small population groups, who were engaged in propaganda of Islam and could not play a significant role in the ethnic processes. There is not sufficient evidence to say about the inclusion of the north-western part of the territory of Bashkiria into structure of Volga Bulgaria and considered Bulgarian missionaries ancestors of modern the Tatars in Bashkortostan.

Keywords: *Bashkiria, Volga Bulgaria, the Golden Horde, archaeology, epigraphy, anthropology.*

References

1. Akimova M. S. (1968) *Antropologija drevnego naselenija Priural'ja* [Anthropology of the ancient population of the Ural]. M., Nauka, 120 p. (in Russ.).
2. Aksanov A. V. (2017) Ot «baskardov» do «bashkircev»: sud'ba jetnonima v XIII-XVI vekah [From the “Baskards” to the “Bashkirs”: the fate of the ethnonym in the XIII-XVI centuries], in: *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde review]. Vol. 5, no. 4, pp. 786–800 (in Russ.).
3. Bader O.N. (Ed.) (1976). *Arheologicheskaja karta Bashkirii* [Archaeological map of Bashkiria]. M., Nauka, 268 p. (in Russ.).
4. Morozov Ju. A. (Ed.). (1996) *Arheologicheskie pamjatniki Bashkortostana* [Archaeological sites of Bashkortostan]. Ufa, Gilem, 280 p. (in Russ.).
5. Asfandijarov A. Z. (2009) *Istorija sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nyh territorij* [The history of the villages of Bashkortostan and adjacent areas]. Ufa, Kitap, 744 p. (in Russ.).
6. Nadrshina F. A. (Author-comp.) (2015) *Bashkirskie istoricheskie predanija i legendy* [Bashkir historical tales and legends]. Ufa, Kitap, 528 p. (in Russ.).
7. Vorob'ev N. I., Hisamutdinov G. M. and Jusupov G. V. (1962) Istoriko-jetnograficheskie issledovanija naselenija severo-zapadnyh rajonov Bashkirii [Historical and ethnographic study of the population of the North-Western districts of Bashkiria], in: *Sovetskaja jetnografija* [Soviet Ethnography]. No. 6, pp. 124–130 (in Russ.).
8. Gabdrafikov I. M. (2017) Urochishhe Kala-tau – srednevekovyj pamjatnik arheologii i jepigrafiki Zapadnogo Priural'ja [Tract Cala-Tau – medieval monument of archaeology and epigraphy of the Western Urals], in: *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde review]. Vol. 5, no. 4, pp. 921–926 (in Russ.).
9. Garipov T. M. (1979) *Kypchakskie jazyki Uralo-Povolzh'ja (Opyt sinhronicheskoi i diahronicheskoi harakteristiki)* [Kypchak languages the Ural-Volga region (Experience of synchrony and diachrony characteristic)]. M., Nauka, 304 p. (in Russ.).

10. Garipov T. M. Otnositel'no «bulgarskih» jepitafij Bashkirii [Regarding the “Bulgar” epitaphs of Bashkiria], in: Uraksin, Z. G. (Ed.). (1982) *Pis'mennye pamjatniki Bashkirii (Istoriko-filologicheskie issledovanija)* [Written monuments of Bashkiria (Historical-philological studies)]. Ufa, IJJaL BF AN SSSR, pp. 52–68 (in Russ.).
11. Garustovich G. N. Pogrebenija v kamennyh mavzolejah Bashkirskogo Priural'ja [Burials in stone mausoleums of Bashkirian Ural], in: Obydenov, M. F. (Ed.). (1995) *Nasledie vekov: ohrana i izuchenie pamjatnikov arheologii v Bashkortostane* [The legacy of the centuries: the protection and study of archaeological monuments in Bashkortostan]. Rel. 1, Ufa, Nacional'nyj muzej, pp. 166–185 (in Russ.).
12. Garustovich G. N. (1998) *Naselenie Volgo-Ural'skoj lesostepi v pervoj polovine II tysjacheletija nashej jery: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The population of the Volga-Ural forest steppe in the first half of the II millennium A. D.: the dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of historical sciences]. Ufa (in Russ.).
13. Garustovich G. N. (2012a) K voprosu ob osobom tipe pamjatnikov arheologii XIV veka na territorii Istoricheskogo Bashkortostana (kladbishha s kamennymi nadgrobijami s islamskimi jepitafijami) [The issue of a special type of archaeological monuments of XIV century on the territory of Historical Bashkortostan (cemetery with stone tombstones with Islamic epitaph kayraki)], in: *Problemy vostokovedenija* [Problems of Oriental Studies]. No. 2, pp. 39–45 (in Russ.).
14. Garustovich G. N. Hronologija pamjatnikov kul'tovogo memorial'nogo zodchestva iz kamnja v Central'nom Bashkortostane [Chronology of the monuments of the cult of the memorial stone architecture in Central Bashkortostan], in: Kotov, V. G. (Comp.). (2012b) *Ural-Altaj: cherez veka v budushhee* [Ural-Altay: through the centuries into the future]. Ufa, IJJaL UNC RAN, pp. 152–154. (in Russ.).
15. Ishberdin Je. F. (1980) Kamen' s «zagadochnymi» znakami [Stone with “mysterious” characters], in: *Sovetskaja tjurkologija* [Soviet turkology]. No. 2, pp. 64–67 (in Russ.).
16. Kalinin N. F. Bulgaro-tatarskie jepigraficheskie pamjatniki kak istoricheskij istochnik [Bulgaro-Tatar Epigraphic monuments as historical source], in: A. P. Smirnov, A. P. and N. Ja. Merpert, N. Ja. (Eds.). (1956) *Tezisy dokladov na konferencii po arheologii, drevnej i srednevekovoj istorii narodov Povolzh'ja v Kazani v 1956 g.* [Abstracts published in Conference on archaeology, ancient and medieval history of the peoples of the Volga region in Kazan in 1956 year]. M, IIMK, pp. 25–31 (in Russ.).
17. Kuzeev R. G. (1974) *Proishozhdenie bashkirskogo naroda: jetnicheskij sostav, istorija rasselenija* [The origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of resettlement]. M., Nauka, 571 p. (in Russ.).
18. Mazhitov N. A. and Sultanova A. N. (1994) *Istorija Bashkortostana s drevnejshih vremen do XVI veka* [History of Bashkortostan since ancient times to the 16th century]. Ufa, Kitap, 360 p. (in Russ.).
19. Mirgaleev I. M. (2017). Starokalmashevskaja nadmogil'naja plita i voprosy jetnicheskoj interpretacii naselenija Priural'ja v srednie veka [Gravestone stove of Starokalmashevo and ethnic interpretation of the Ural population in the middle ages], in: *Arheologija Evrazijskih stepej* [Archaeology of the Eurasian steppes]. No. 6, pp. 174–178 (in Russ.).
20. Muhametshin D. G. Ob jepigraficheskikh pamjatnikah Vostochnogo Zakam'ja (k voprosu o lokal'nyh variantah bulgarskih jepigrafij) [About Epigraphic monuments of the East Zakamje (to a question about the local versions of the Bulgar Epigraphic)], in: Halikov, A. H. (Ed.). (1981) *Ob istoricheskikh pamjatnikah po dolinam Kamy i Beloj* [About historical monuments along the valleys of the Kama and the Belaya]. Kazan', KF AN SSSR, pp. 136–140 (in Russ.).
21. Nechvaloda A. I. (2000) Mavzolej Husejnbeka. Antropologicheskaja rekonstrukcija po cherepam iz mavzoleja v Chishmah [Mausoleum of Husejnbek. Anthropological reconstruction of skulls from the mausoleum in Chishmy], in: *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University. Humanities series]. No. 1, pp. 31–49 (in Russ.).
22. Smirnov A. P. Zheleznyj vek Bashkirii [Iron age of Bashkiria], in: Merpert, N. Ja. (Ed.). (1957). *Kul'tura drevnih plemen Priural'ja i Zapadnoj Sibiri* [Culture of ancient tribes of the Ural and the Western Siberia]. M., AN SSSR, pp. 5–113 (in Russ.).
23. Fahrutdinov R. G. K voprosu o bulgaro-bashkirskih vzaimootnoshenijah [To the issue of Bulgar-Bashkir relationship], in: Bromlej, Ju. V. & Kuzeev, R. G. (Eds.) (1971) *Arheologija i jetnografija Bashkirii* [Archaeology and ethnography of Bashkiria]. Vol. IV, Ufa, BF OI AN SSSR, pp. 98–102 (in Russ.).
24. Halikov A. H. Obshhie processy v jetnogeneze bashkir i tatar Povolzh'ja i Priural'ja [Common processes in the ethnogenesis of the Bashkirs and the Tatars of the Volga and the Ural], in: Bromlej, Ju. V. & Kuzeev,

R. G. (Eds.) (1971) *Arheologija i jetnografija Bashkirii* [Archaeology and ethnography of Bashkiria]. Vol. IV. Ufa, BF OI AN SSSR, pp. 30–37 (in Russ.).

25. Halikov A. H. (1978) *Proishozhdenie tatar Povolzh'ja i Priural'ja* [The origin of the Tatars of the Volga and the Ural]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 160 p. (in Russ.).

26. Halikov A. H. (1989) *Tatarskij narod i ego predki* [Tatar people and their ancestors]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 222 p. (in Russ.).

27. Jusupov G. V. Ob jetnogeneze bashkir [On the ethnogenesis of the Bashkirs], in A. P. Smirnov, A. P. & N. Ja. Merpert, N. Ja. (Eds.). (1956) *Tezisy dokladov na konferencii po arheologii, drevnej i srednevekovoj istorii narodov Povolzh'ja v Kazani v 1956 g.* [Abstracts published in Conference on archaeology, ancient and medieval history of the peoples of the Volga region in Kazan in 1956 year]. M., IIMK, pp. 60–61 (in Russ.).

28. Jusupov G. V. Dve nadgrobnye nadpisi s drevnego bashkirskogo kladbishha [Two gravestone inscriptions with ancient Bashkir cemeteries], in: Harisov, A. I. (Ed.). (1959) *Voprosy bashkirskoj filologii* [Questions of the Bashkir Philology]. M., AN SSSR, pp. 120–122 (in Russ.).

29. Jusupov G. V. (1960). *Vvedenie v bulgaro-tatarskuju jepigrafiku* [Introduction to the Bulgar-Tatar Epigraphy]. 165 p. M.; L., AN SSSR (in Russ.).

30. Jusupov R. M. & Nechvaloda A. I. (2000). Semejnyj nekropol' jepohi srednevekov'ja v Chishmah. Antropologicheskaja rekonstrukcija po cherepu Husejnbeka [The family-run shehergah of the era of the middle ages in Chishmy. Anthropological reconstruction on skull of Husejnbek], in: *Grani poznanija* [The brinks of cognition]. No. 1, pp. 68–98 (in Russ.).

31. Jaminov A. F. K voprosu o datirovke rannemusul'manskih mavzoleev Bashkirii [To the question about dating of early Muslim mausoleums of Bashkiria], in: Sirazitdinov, V. A., Husainov, S. M. & other. (Eds.). (1991) *Problemy duhovnoj kul'tury tjurkskih narodov SSSR* [The problems of spiritual culture of the Turkic peoples of the USSR]. Pp. 96-97. Ufa, BNC UrO AN SSSR (in Russ.).

32. Jaminov A. F. (1995) *Juzhnyj Ural v XIII-XIV vv.: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Southern Ural in XIII-XIV centuries: the dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of historical sciences]. 266 p. Izhevsk (in Russ.).